

На следующий день после падения Нанкина снегопад прекратился, и зимнее небо прояснилось, очистившись от туч.

— Здесь списки двадцати двух гвардейских отрядов. За исключением стражи Сяолин, которая всё время охраняла императорские гробницы, и Цзиньвэй, где погиб только один человек, в остальных отрядах потери различны, а защитники Полуденных ворот и вовсе были полностью уничтожены. Командир Хуянь Кэ, опасаясь наказания за свои преступления, бежал. Я временно набрал людей из войска княжеской резиденции, чтобы заполнить пробелы в гвардейских отрядах, последующие назначения будут сделаны после военных отборов в следующем году.

— Из половины стражей Цзиньвэй будут сформированы шесть смен, по четыре человека в каждой, для сопровождения императора. Если будут какие-либо распоряжения, обращайтесь непосредственно к ним.

— Многие дворцовые слуги и служанки погибли в пожаре. Я собрал оставшихся в одном месте. Поскольку неизвестно, кто из них является доверенными лицами Великого воспитателя, я сместил всех старших евнухов управлений и велел им поменяться должностями с теми, кто служит в храме предков. В храме предков все — старики, прислуживавшие ещё покойному императору. После замены их вернут во дворец, чтобы император мог временно ими распоряжаться. Это временная мера, новых слуг наймут в следующем году после грядущих всеобщих выборов.

Юньци снова спросил:

— Государь, по мнению вашего слуги, не лучше ли будет поручить управление всеми внутренними делами дворца Саньбао?

После войны предстояло разобрать множество дел. Чжу Ди еще не представлял, сколько хлопот таит в себе императорский титул. От одних лишь сложных дворцовых церемоний и кадровых перестановок у него уже голова шла кругом.

Чжу Ди ответил:

— Пусть будет, как ты говоришь.

Юньци продолжил:

— Покойный император установил правило о том, что людям с фамилией Ма запрещено служить при дворе. Если он станет главой управления, это ведь... на всю жизнь?

Сюй Вэнь сказала:

— Давайте сменим ему имя, пожаловав новую фамилию.

Юньци кивнул и тут же сделал пометку. Чжу Ди снова спросил:

— Как обстоят дела с размещением дворцовой стражи и городской обороны?

Юньци рассеянно ответил:

— Это вне моей компетенции, нужно спросить у Тоба Фэна.

— Сто сорок два дворцовых здания сгорели в пожаре, осталось только семьдесят. Ущерб от уничтоженных картин, свитков с каллиграфией, антиквариата и построек уже поручено подсчитать, в полдень Министерство работ представит подробный список. В тюрьме для высших чиновников содержится шестнадцать осуждённых придворных, все они были арестованы по личному указанию императора...

Чжу Ди насторожённо спросил:

— Приставили к ним охрану?

Юньци ответил:

— Оставшаяся половина стражей Цзиньвэй посменно охраняет тюрьму, войти туда можно только императору. Всем остальным, включая меня, посещать ее запрещено.

Чжу Ди произнес:

— Арестовали всего шестнадцать человек?

Юньци ответил:

— Нет, людей слишком много, тюрьма для высших чиновников столько не вмещает. Эти шестнадцать — те, кто сколачивал клики при дворе. Среди цензоров шести отделений и чиновников шести министерств насчитывается семьсот семьдесят три человека, подозреваемых в принадлежности к фракциям. И это ещё без метода «выкорчевывания лозы с корнями*», установленного покойным императором для проверки. Я арестовал лишь главарей фракций. Вчера вечером всех их поместили в тюрьму при Министерстве наказаний. Для их допроса требуется личный указ императора...

* Выкорчевывание лозы с корнями (□□□) — метод цепной расправы, когда вместе с обвиненным к ответственности привлекали всех связанных с ним лиц, включая семью, друзей, учеников,

соседей и т.д. Практиковался в период правления Чжу Ди, императора Юнлэ.

Сюй Вэнь удивлённо спросила:

— Семьсот семьдесят три человека? Откуда взялся этот список? Почему я его не видела?

Юньци указал пальцем на свою голову, и Чжу Ди рассмеялся:

— Он столько лет служил в столице, естественно, помнит всё до мелочей.

Сюй Вэнь, не зная, плакать ей или смеяться, произнесла:

— Арестовать только людей — это слишком. Боюсь, некоторые из них и вовсе ни в чём не виноваты. Нужно уметь проявлять снисхождение, где это возможно. Казнить более семисот человек...

Юньци продолжил:

— Благородному мужу подобает быть общительным, но не создавать клик. Раз они образовывали группировки, то совершенно заслуженно, что после падения главаря они вместе с ним отправятся в тюрьму. Никто же не заставлял их создавать фракции, верно?

Чжу Ди возразил:

— Женщины слишком мягкосердечны, не встревай. Младший шурина прекрасно справился с этим делом, и чжэня это весьма порадовало.

Сюй Вэнь, смущённо улыбнувшись, зевнула. Чжу Ди сказал:

— Ступай отдохни.

Сюй Вэнь повернулась и ушла. Юньци серьёзно произнёс:

— По мнению вашего слуги, достаточно разобраться с этими людьми. Если они не заходили слишком далеко, их жёны, дети и семьи невиновны...

Чжу Ди перебил его:

— Среди Цзиньивэй погиб один человек?

Юньци спокойно ответил:

— Жун Цин.

Чжу Ди вздрогнул, в изумлении воскликнув:

— Паренёк из семьи Жун погиб?! Как это случилось?

Юньци склонился в поклоне и ответил:

— В ночь, когда император вошел в город, Тоба Фэн оглушил Жун Цина и оставил в императорском саду. На следующий день, когда мы пошли его искать... там никого уже не было.

Когда Юньци это говорил, он изучал выражение лица Чжу Ди.

На самом деле, даже сам Юньци не знал, куда пропал Жун Цин. Взрослый живой человек вроде него, наверное, просто сбежал, и это вряд ли имело отношение к Чжу Ди. Однако Юньци всё же сохранял насторожённость и внимательно наблюдал за выражением лица императора в надежде обнаружить хоть какие-то намёки.

Если бы Жун Цин на самом деле был двойным агентом, скорее всего, ему не удалось бы избежать ликвидации по приказу Чжу Ди.

Чжу Ди слегка помрачнел, а через мгновение холодно ответил:

— Снаряды слепы. Вероятно, от него не осталось и следа.

Юньци кивнул и, взяв кисть, вычеркнул имя Жун Цина из списка.

Чжу Ди добавил:

— Выдай семье Жун компенсацию.

Юньци кивнул и сказал:

— По стандартам компенсации для стражника первого ранга, павшего в бою...

Чжу Ди мрачным голосом спросил:

— Когда тебя не было в Нанкине, Жун Цин исполнял обязанности командира?

Юньци усмехнулся:

— Тогда пусть выдадут компенсацию по стандартам, как если бы погиб я...

— У вашего слуги все.

Юньци правда не мог понять, почему он так долго обсуждал с Чжу Ди вопрос о Жун Цине. Он свернул доклад и положил его перед Чжу Ди.

Чжу Ди спросил:

— Куда ты?

Юньци, с облегчением вздохнув, ответил:

— Иду спать. Я не смыкал глаз с тех пор, как приехал с ши-гэ в город позапрошлой ночью. Я работаю ради тебя уже два дня и две ночи, зять.

Чжу Ди некоторое время смотрел на Юньци, затем улыбнулся и сказал:

— Хорошо, что ты здесь, иначе я бы точно сошёл с ума.

Юньци повернулся, чтобы откланяться, но Чжу Ди снова спросил:

— Фан Сяожу в тюрьме для высших чиновников или в темнице? Чжэнь сейчас же отправится поговорить с ним.

Юньци ответил:

— Его отпустили домой.

Чжу Ди тут же нахмурился, и Юньци продолжил:

— Он не сбежит, он сидит дома и ждёт смерти. Да даже если бы и сбежал, разве десятки тысяч воинов дворцовой стражи не смогли бы догнать хромого?

Юньци вышел из зала, как вдруг Чжу Ди снова крикнул ему вслед:

— Ди*, спасибо тебе.

* Ди (□) — младший брат.

Юньци, совершенно измождённый, услышав эти слова, не смог сдержать улыбку. Не оборачиваясь, он ответил:

— Не за что! В императорском кабинете висит «Песня о печёных лепёшках» Лю Цзи, можешь пойти посмотреть!

Юньци прекрасно понимал, что эти слова Чжу Ди означали не только благодарность за все дела, которые он уладил с момента вступления в Интяньфу, но в большей степени — за тот поклон, который он, стоя во главе Цзиньивэй, совершил в зале.

Трон Чжу Ди был добыт далеко не праведным путём, и, восседая на нём, он испытывал беспокойство. Его насторожённый взгляд словно следил за всеми, кто приближался, приказывая им держать язык за зубами и ничего не подвергать сомнению.

Юньци действовал беспощадно и за одну ночь подавил для него все возможные голоса оппозиции.

Он прошёл сквозь Полуденные ворота, остановился и устремил взгляд на советников императора, молча стоявших на коленях в снегу.

Каждый из них, готовый умереть, стоял на коленях за Полуденными воротами, и было их не меньше двухсот человек.

Юньци вздохнул, сказав:

— Династия сменилась, разве вы, господа, ещё не поняли? Скорее возвращайтесь по домам, не навлекайте беды на жён и детей.

Никто не ответил, все пристально смотрели на главный зал.

Юньци продолжил:

— Кто отказывается от заздравной чашки, тот выпьет штрафную. Эй, люди! Отправьте их в тюрьму Министерства наказаний! Жён и дочерей определить проститутками в управление Цзяофан!

Цензоры мгновенно пришли в ярость, и возглавлявший их человек закричал:

— Сюй Юньци, какое право ты имеешь заключать нас под стражу! Приспособленец, сегодня служишь одному, завтра другому! Предатель, продавший господина ради собственной выгоды!

Приказ Юньци был лишь блефом. Увидев, что старший советник отреагировал, он сказал:

— Чжуан Лу? В своё время тебя в наказание приказал выпороть батогами покойный император, и твоя жена тайно передала серебро во дворец моему ши-гэ...

Чжуан Лу мгновенно изменился в лице, а его последователи позади зашептались и загалдели.

Юньци снова крикнул:

— Эй, люди!

На этот раз он был серьёзен. Патрулирующие императорские стражники вдали, услышав зов, подбежали, преклонили колена и спросили:

— Что прикажете, брат императрицы?

Юньци сказал:

— У всех этих советников в руках дощечки для записей. Конфискуйте их все, отнесите в Управление жертвоприношений, выясните их адреса, обыщите их дома, изымите таблички с именами предков и доставьте их в Терем Танцующего Дыма...

Ещё не закончив фразу, Юньци увидел, как все императорские советники мгновенно побледнели.

— ...Раздайте каждой девушке в Тереме Танцующего Дыма по табличке и прикажите им каждую ночь спать с ними в обнимку... Эй! Разве вы не преисполнены преданности и доблести? Куда же вы бежите!

Юньци, добившись своего, продолжал злорадствовать, крича в спины убегающих:

— Разве вы не собирались увещевать до смерти? Возвращайтесь! Император сейчас выйдет!

— Сами напросились, — насмешливо бросил Юньци.

Терем Танцующего Дыма... Юньци стоял у пустынных Полуденных ворот и внезапно почувствовал себя крайне одиноко.

— Младший шурин.

— Саньбао? Когда ты пришёл?

Юньци вдруг обернулся и внимательно оглядел Ма Саньбао. Он уже сменил одежду на тёмно-синий шёлковый наряд, подпоясанный лентой с вышивкой цвета индиго. Он неловко поправил воротник и, улыбаясь, сказал:

— Я пришёл только что. Видел, как вы проучили советников императора. И впрямь бесподобно.

Юньци усмехнулся:

— Теперь вы стали крупным чиновником, старший евнух Ма Саньбао. Собака притворяется человеком*.

* Досл. «собака притворяется человеком» (狗口人) — выпендриваться, притворяться. В современном употреблении значение часто смягчается и приобретает иронический или шуточный оттенок.

Саньбао смущённо улыбнулся и ответил:

— Князь... то есть император пожаловал Саньбао фамилию Чжэн и личное имя Хэ.

Юньци кивнул, а Саньбао добавил:

— Младший шурин, императрица велела передать, чтобы вы хорошенько отдохнули, сегодня вечером устраивают семейный пир.

Юньци спросил:

— Старшая сестра больше ничего не сказала?

Саньбао ответил:

— Младший шурин, Саньбао лишь сменил имя, но он по-прежнему ваш слуга...

Юньци нахмурился и прервал его:

— Нельзя так говорить. Научись следить за словами во дворце. Приготовь мне повозку, а потом занимайся своими делами. Если я не приду вечером, пусть начнут без меня.

Малые снегопады наконец утихли, земля была скользкой и влажной. Карета выехала из столицы. Юньци откинул занавеску экипажа, долго всматриваясь вдаль, но не нашёл того, кого искал. Он громко спросил:

— А где командир Тоба Фэн?!

Солдаты на городской стене, увидев дворцовую карету, поспешно ответили:

— Господин командующий уехал за город. Почтительно встречаем брата императрицы...

Затем они спустились, чтобы поприветствовать Юньци. Он задернул занавеску, слегка недовольный, и приказал вознице:

— Поезжай за город, на гору Цзыцзиньшань.

Гора Цзыцзиньшань была покрыта сверкающим белоснежным покровом. Юньци сошёл с кареты на полпути к вершине, поднял голову и посмотрел на каменные ступени, ведущие прямо к пику. Выбрав другую тропу, он направился в долину.

В долине находилось кладбище, в это время года пустынное и безлюдное. Лишь у одной из могил стоял на коленях высокий мужчина.

У Юньци перехватило дыхание — он узнал в этом человеке Тоба Фэна.

Он был облачён в кольчужные генеральские доспехи и, держа в руках три благовонные палочки, поклонился до земли перед надгробной плитой.

Юньци спрятался за деревом и наблюдал за Тоба Фэном издали.

Мужчина пристально смотрел на надгробие, на котором были высечены красные иероглифы: «Могила Вэнь Юэхуа».

Тоба Фэн наклонился, взял кувшин с вином и наполнил пустую чашу перед надгробием. Постояв какое-то время на коленях, он дождался, пока благовония догорят, а затем поднялся и ушёл.

Юньци наблюдал за этим с чувством скорби и одновременно счастья. Прождав, пока Тоба Фэн скроется из виду, он наконец подошёл и несколько раз поклонился. Двое суток без сна совершенно измотали его, и сознание затуманивалось. Больше сил не оставалось, и он спустился с горы обратно во дворец, вошёл в свою комнату и рухнул на кровать.

Во дворе Цзиньвэй было холодно и безлюдно. Все дежурившие стражники в эти дни посменно работали на износ. Лишь изредка кто-то возвращался во двор и сразу же направлялся в свою комнату выспаться. Вскоре закатное солнце окрасило небо в золотистые сумерки, и только тогда дверь в комнату Юньци со скрипом открылась.

В полудрёме он лишь почувствовал, как его нежно обняла рука Тоба Фэна.

— Я так хочу спать, не надо...

— Ши-гэ любит тебя.

— Любишь, ага, как же... — сонно пробормотал Юньци.

Тоба Фэн рассмеялся, протянул руку и нащупал у Юньци на груди нефритовую подвеску в виде цилиндра, которую тот никогда не снимал. Убедившись, что она на месте, он наклонился и соединил две половинки подвески, проверяя их целостность.

— Сегодня день твоего рождения, Юньци, — тихо произнёс Тоба Фэн. Затем он взял какой-то предмет и стал водить им перед лицом Юньци, спрашивая: — Нравится?

Юньци немного пришёл в себя. Его это развеселило, и он улыбнулся. Взяв предмет, он увидел, что это тонкая коровья кожа, натянутая на несколько десятков бамбуковых палочек. Внутри неё ещё находились какие-то мелкие предметы. Юньци, ничего не понимая, спросил:

— Это что? За сколько ты это купил? Опять зря тратишь деньги?

Тоба Фэн сказал:

— Сядь как следует.

Юньци, совершенно сбитый с толку, позволил Тоба Фэну подтолкнуть себя к части кровати, что находилась у стены. Тоба Фэн повернулся, закрыл дверь, немного прибавил света масляной лампе и развернул тонкую коровью кожу, натянув её на раму.

— Что за чертовщина... — улыбаясь, произнёс Юньци.

Тоба Фэн загадочно улыбнулся, выражением лица напоминая самодовольного мальчишку. Он поставил раму с обеих сторон на ножки и аккуратно разместил её на столе.

Тоба Фэн потянулся за масляной лампой и поставил её за натянутой коровьей кожей. Свет отбрасывал силуэт его профиля на тонкую кожу, очерчивая высокую прямую переносицу и

изгиб уголков губ. Он был так прекрасен, что у Юньци перехватило дыхание.

Юньци замолчал, внимательно глядя на Тоба Фэна. Тот придвинул лампу немного ближе, а затем наклонился, чтобы пересчитать бамбуковые палочки.

Одна, две... Разобрав бамбуковые палочки, Тоба Фэн зажал между пальцами обеих рук несколько разноцветных маленьких предметов и повернул голову. Показав лицо, он спросил:

— Видишь?

Юньци рассмеялся, заметив, что лицо Тоба Фэна слегка покраснело.

Тоба Фэн повернул голову и несколько раз ткнул предметом в руках в натянутую коровью кожу.

Юньци воскликнул:

— Театр теней! Ши-гэ, где ты это купил?!

Предмет действительно оказался куклой для театра теней. Тоба Фэн покачивал маленькую бабочку-марионетку, и Юньци не смог сдержать улыбку.

Тоба Фэн спрятался за ширмой и объявил:

— Начинаем.

Юньци не знал, смеяться ему или плакать:

— С твоим-то красноречием только театр теней и показывать...

— Это девушка, — из-за коровьей кожи донёлся глуповатый голос Тоба Фэна. На ширме появилась фигура женщины, голова которой покачивалась из стороны в сторону. Тоба Фэн дёрнул её слишком сильно, и у «девушки» отвалилась рука.

Юньци ударил рукой по кушетке, тут же покотившись со смеху.

Тоба Фэн подобрал отвалившуюся у «девушки» руку, но приделать её не смог и отбросил в сторону. Не обращая внимания, он взял другую куклу и продолжил:

— Девушка была талантлива, в совершенстве владела музыкой, шахматами, каллиграфией и

живописью, а её семья была очень богата. Однажды её отец устроил пир, пригласив много-много гостей...

Куча беспорядочных предметов промелькнула на ширме. Тоба Фэн передвинул эту кипу неразличимых вещей слева направо, что символизировало, что по сцене прошли «гости», и на этом всё.

У Юньци от смеха на глазах выступили слёзы.

Тоба Фэн достал маленькую куклу, указал на неё и сказал:

— Вот этот — главный герой.

— Отец девушки сказал, что этот человек умеет играть на цине и играет очень хорошо. Его попросили исполнить мелодию, и он сыграл... забыл, что именно.

«...»

Уголки губ Юньци дёрнулись, он с любопытством спросил:

— У этих людей что, совсем нет имён? Хотя бы дай им имена...

Тоба Фэн не ответил. Он отложил куклы, достал из-за пазухи бамбуковую флейту и с важным видом заиграл.

Чистый и мелодичный звук флейты словно к чему-то призывал. Юньци в душе вздохнул: «Этому растяпе и впрямь было непросто устроить мне день рождения, и говорит, и играет»... В душе он был глубоко тронут.

Тоба Фэн закончил играть и снова взял две куклы — «девушку» без руки и того «мужчину, играющего на цине». Он сказал:

— Очень красиво.

Юньци вытер слёзы, выступившие от смеха, и поддержал его:

— Да, и вправду красиво.

Тоба Фэн тихим голосом продолжил:

— Девушка, услышав музыку, влюбилась в этого парня...

«Как банально и мелодраматично», — подумал Юньци.

Однако голос Тоба Фэна обладал пленительной притягательностью, и он продолжил:

— В ту же ночь парень, взяв несколько сотен лянов золота, пришёл искать девушку...

Две куклы становились всё ближе и ближе, а затем слились в одну. Тоба Фэн высвободил одну руку, чтобы взять другую бамбуковую палочку.

— ...которая была служанкой.

«?» — Юньци был озадачен.

Тоба Фэн, покачивая «служанкой», серьёзно произнёс:

— Он подкупил служанку, чтобы та позволила ему встретиться с девушкой, и сказал: «Давай сбежим».

Юньци почувствовал, что потерял нить логики, так же, как и Тоба Фэн: если они влюбились друг друга, разве не могли посвататься? Зачем сбежать?

— Парень привёл девушку к себе домой... — лишь тогда Тоба Фэн назвал причину побега: — ...и девушка обнаружила, что семья парня очень бедная, у них был только один цинь.

Юньци с сочувствием кивнул. Внезапно прозрев, он выпалил:

— Ну и ну, прямо как у тебя, вот ведь как бывает.

Тоба Фэн рассмеялся и ответил:

— Примерно так.

Тоба Фэн снова медленно продолжил:

— Талантливый юноша сказал: «У меня нет ни власти, ни влияния, моя семья бедна, и всё, что у меня есть для тебя, — это искреннее сердце... Девушка, ты сердисься, что я обманул тебя?»

Юньци вместо «девушки» без руки ответил:

— Не сержусь.

Тоба Фэн кивнул и от лица мужчины произнёс:

— Тогда мы поженимся.

Затем Тоба Фэн совершил нечто очень порочное.

Он уложил «девушку» без руки горизонтально, затем накрыл её мужской куклой, потряс несколько раз, и у «девушки» отвалилась и вторая рука.

Юньци хохотал до судорог.

Тоба Фэн улыбнулся и продолжил:

— Они жили в нужде, становились всё беднее, даже еды не хватало, но каждый день по-прежнему любили друг друга и никогда не ссорились.

— ...Пока девушка не стала умирать от голода...

Юньци подумал, что девушка просто ходячая трагедия: руки-ноги отваливаются, еды не хватает. Связавшись с этим парнем, она, наверное, прокляла свои восемь поколений потомков.

— ...Тогда девушка продала дом юноши, и они вместе открыли постоянный двор. Позже отец девушки узнал об этом, дал немного денег, чтобы помочь молодой паре, и жизнь стала налаживаться.

— Конец.

Юньци, смеясь, воскликнул:

— Очень интересно!

Затем он, против совести, похлопал в ладоши, чувствуя, что этот театр теней ужасно скучный. Даже заика рассказывал бы эффектнее, чем Тоба Фэн.

Тоба Фэн, улыбаясь, сказал:

— Это ещё не всё. Их история закончилась, но есть ещё другая.

Он отложил кукол в сторону и потянулся за другими бамбуковыми палочками.

Юньци уже собирался попросить его больше не продолжать, как вдруг увидел, что ловким движением пальцев Тоба Фэн взял в обе руки, казалось бы, очень сложную конструкцию, встряхнул её перед светящейся ширмой, и мгновенно, заиграв яркими красками, расцвели пышные узоры!

Юньци восхищённо ахнул, воскликнув:

— Как красиво!

Всю ширму заполнили цветы и перья, и на ней развернулся длинный огненно-красный хвост, залил всю комнату алым светом невероятной красоты. Тоба Фэн тихим нежным голосом запел:

— На свете есть такая красота —

Увидишь и вовек не забываешь.

Лишь день не встретишь — и уже беда,

Подумаешь — и разум потеряешь...

Мелодия была той самой, что Тоба Фэн играл на флейте ранее. Юньци затаил дыхание и замер, глядя на кукол, кружащихся на покрытой цветами ширме.

Разноцветный феникс расправил крылья, распушив красные перья, и медленно проплыл мимо, волоча за собой длинный хвост. Затем прилетела золотая самка феникса, и птицы устремились в погоню друг за другом. Нежно соприкоснувшись, они вновь медленно разошлись.

Низким голосом Тоба Фэна запел:

— Как феникс-муж зовет свою жену,

Мир облетая в поисках любимой

Так вижу я теперь ее одну,

И без нее мне жить невыносимо.

— Когда же доведется повидать?

Когда страданиям будет утешенье?

Неужто с ней мне в небе не летать?

Но если так — погиб я, нет спасенья!

Юньци тихо подпевал Тоба Фэну:

— Неужто с ней мне в небе не летать?

Но если так — погиб я, нет спасенья...

Тоба Фэн опустил двух фениксов и спросил:

— Красиво?

Юньци, всё ещё погружённый в эту песню, с лёгкой улыбкой ответил:

— Красиво. Я только сейчас понял, что это история Сыма Сянжу и Чжо Вэньцзюнь... «Феникс ищет свою возлюбленную*».

* Сыма Сянжу (司马迁, 179-117 гг. до н.э.) — знаменитый поэт, писатель и музыкант эпохи Хань. Согласно преданию, молодой, но бедный Сыма Сянжу исполнил эту песню на литературном вечере в доме богача Чжо Ваньсуня. Его игра на цине пленили умную и талантливую Чжо Вэньцзюнь (卓文君), вдову, дочь хозяина. Вопреки воле отца, Вэньцзюнь бежала с Сянжу и вышла за него замуж. Позже молодожены открыли ресторанчик, где сами иногда выступали с музыкальными номерами и декламировали стихи. Вскоре семья поэтессы приняла Сыма Сянжу, брак благословили, влюбленным выдали богатое приданое, на которое были приобретены обширные земельные владения с садом. Перевод песни: Александра Родсет.

Тоба Фэн, подумав, сказал:

— Да, тот, кто продал мне кукол, тоже говорил, что это «Феникс ищет свою возлюбленную».

Тоба Фэн стал убирать кукол, говоря:

— Сильно устал? Ши-гэ тебя обнимет.

Тоба Фэн поднялся на кушетку. Юньци одной рукой коснулся его щеки, а другой стал расстёгивать ворот его одежды. Улыбаясь, он прошептал:

— Лишь день не встретишь — и уже беда,

Подумаешь — и разум потеряешь...

Тоба Фэн, заключив Юньци в объятия, прильнул своими губами к его, и их дыхание переплелось. Мужчина тихо пропел:

— Неужто с ней мне в небе не летать?

Но если так — погиб я, нет спасенья...

Юньци обнял Тоба Фэна за шею. В эту ночь он больше всего желал любви.

Они сбросили одежду, и Юньци с нетерпением ждал, когда Тоба Фэн войдёт в него.

Прерывисто дыша, Юньци прошептал:

— Ши-гэ...

Тоба Фэн сосредоточенно целовал его, и жгучая страсть с каждым прикосновением губ передавалась от одного к другому, перерастая в неукротимое пламя. После мгновения боли Юньци полностью отдался проникновению Тоба Фэна. Оседлав его бёдра, Юньци изо всех сил старался принять в себя этот обжигающе твёрдый член как можно глубже, до самого основания.

Тоба Фэн обхватил Юньци за талию и, подобно зверю, принялся нежно покусывать его ключицу. Юньци сглотнул наворачившиеся на глаза слёзы, которые не мог сдержать, уткнулся лицом в плечо Тоба Фэна и издавал прерывистые стоны.

Тоба Фэн перевернулся и уложил Юньци на постель, прильнув к нему сверху. Его напряжённый член беспрепятственно вошёл до самого конца.

— А-а-а!..

Властный поцелуй Тоба Фэна сковал губы Юньци почти до удушья. Он отчётливо чувствовал, как Тоба Фэн раскрывает и глубоко входит в его задний проход, и неторопливые движения внутри приносили ему необычайное наслаждение. Его собственный возбуждённый член прижимался к твёрдому прессу Тоба Фэна, и чувствительный орган терся о его живот,

непрестанно пульсируя и выделяя прозрачную жидкость.

Юньци изо всех сил старался соответствовать ритму Тоба Фэна. Едва его губы освободились, как Юньци, со слезами на глазах, издал сдавленный, молящий стон.

— У-а... ши-гэ!

Тоба Фэн полностью вытащил член. Глядя в глаза Юньци, он тяжело и прерывисто дышал. Затуманенный взгляд Юньци вновь обрёл ясность, и он не смог сдержать смех, понимая, что Тоба Фэн, охваченный страстью и не в силах сдержаться, под его воздействием чуть не кончил.

Тоба Фэн поцеловал Юньци:

— Так соскучился по ши-гэ?

Юньци невнятно пробормотал «угу». Тоба Фэн перевернул его и лёг на спину. Опираясь на локоть, он сказал:

— Поднимись выше.

Юньци, лёжа на животе, слегка приподнял бёдра, приняв нужную позу. Он почувствовал, как член Тоба Фэна упирается в его задний проход. Закрыв глаза, Юньци выгнулся навстречу, позволяя Тоба Фэну войти. Охватившее его возбуждение и острые ощущения от проникновения вновь вырвали из его губ громкий стон.

— Ах... не трогай... я сейчас кончу!

Тоба Фэн одной рукой нежно массировал промежность Юньци и, смеясь, спросил:

— Почему ты сегодня такой послушный?

Юньци, прижавшись щекой к подушке, простонал:

— Я соскучился... ши-гэ.

Тоба Фэн обнял Юньци за талию, подложил подушку под его живот, а затем всем телом завалился на мужчину.

Сначала движения были медленными и размеренными, но постепенно их скорость нарастала. Уткнувшись лицом в подушку, Юньци издавал прерывистые стоны, чувствуя, как мошонка Тоба Фэна ударяется о его ягодицы, а тот твёрдый и длинный орган снова и снова яростно

вколачивается в него, заставляя кричать всё громче.

В такт толчкам Тоба Фэна член Юньци, возбуждённый до предела, снова и снова терся о мягкую подушку.

Тоба Фэн крепко обнял Юньци и продолжил поступательные движения. Под накатывающими одна за другой волнами удовольствия Юньци уже больше не мог сдерживаться. Из всех сил приподнявшись, он взмолился:

— Не... не дави, сейчас кончу...

Тоба Фэн замедлил ритм и, следуя движению мужчины в его объятьях, перевернулся с ним на бок. Одну руку он подложил Юньци под голову, другой обнял его за талию. Слегка выгнув спину, он перекинул ногу Юньци себе на колено, а затем поднял свою длинную ногу.

— Юньци, — с обожанием прошептал Тоба Фэн, целуя его в шею.

— М-м... — Юньци слегка повернул голову, в его глазах стояла туманная дымка.

Тоба Фэн взял его руку и поднёс её к их раздвинутым ногам. Направив пальцы Юньци, он приложил их к своему твёрдому члену, входящему в его задний проход, и начал медленно двигаться.

— А... а... — Пальцы Юньци нащупали член Тоба Фэна, и он отчётливо чувствовал каждый его выход и вход. Волна страсти, нахлынувшая в тот миг, мгновенно смыла остатки его сознания.

Тоба Фэн ощутил, как тело Юньци слегка задрожало в спазме, и, тяжело дыша, потянулся обхватить его спереди, но всё же опоздал. Юньци, постанывая «у-у...», прерывисто выпустил несколько струй белесой жидкости. Тогда Тоба Фэн, не сдерживаясь, резко ускорил движения, и зазвучали хлюпающие шлепки «па-па». В забытии он крепче прижал к себе Юньци, издал сдавленный рёв и впрыснул в него горячую жидкость.

Юньци поднял руку, коснувшись лица Тоба Фэна, и с облегчением выдохнул.

Тоба Фэн натянул на них одеяло, сделав ещё несколько толчков, и Юньци поспешно взмолился:

— Не двигайся!

Тоба Фэн, смеясь, накрыл одеялом их обнажённые тела. За окном кружил снег, но в комнате царила весна. Так прошёл ещё один год в жизни Юньци.

По сравнению с тем фениксом, что искал свою возлюбленную, небеса были к ним невероятно благосклонны. Лишь пять лет своей жизни они не знали друг друга, но после они всегда шли бок о бок, и даже когда судьба разлучала их, их сердца оставались едины.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326102>